

Д.Н. Мамин-Сибиряк

Избранные письма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
М22

М22   **Мамин-Сибиряк Д.Н.**
Избранные письма / Д.Н. Мамин-Сибиряк – М.: Книга по Требованию, 2021. – 94 с.

ISBN 978-5-4241-3127-1

Мамин-Сибиряк - подлинно народный писатель. В своих произведениях он проникновенно и правдиво отразил дух русского народа, его вековую судьбу, национальные его особенности - мощь, размах, трудолюбие, любовь к жизни, жизнерадостность. Мамин-Сибиряк - один из самых оптимистических писателей своей эпохи.

ISBN 978-5-4241-3127-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Д.Н. Мамин-Сибиряк, 2021

У меня к Вам есть большая просьба: узнать программу реального тагильского училища всех классов, потом узнать, можно ли поступать из реального училища в технологический институт или в другое высшее заведение. Это Вам легко узнать от служащих наших или тагильских.

Если можно поступать куда, то с экзаменом или без экзамена?

Узнавши все это хорошенько, Вы порассудите, нельзя ли мне тут поступить, и, главное, имейте в виду вот что: чтобы был верный кусок хлеба, а то ведь теперь мы эфирами разными набиваем голову — ну, а как придется с эфиров в канцелярию спуститься, сквернейшая будет штука. Прежде ладно было: кончил курс и поп, а нынче не то, заранее куда-нибудь надо себя готовить. Рассудите теперь, к чему это нас готовят? Хотя и много шумели о преобразовании семинарий, но в сущности пользы немного. Что, например, я приобрел в 4 года учения? И что впереди мне предстоит, я не знаю и Вы также, а надеяться на авось — самая плохая штука. В реальном же училище я, получив основательные знания по заводской части, не пропаду, а если попаду в технологический институт, то во всяком случае выйду никак не хуже какого-нибудь университетанта, который, вышед из университета, скрипит где-нибудь за те же 15 р. Теперь наше положение в семинарии можно сравнить с положением ребенка, которому говорят, что белое совсем не белое, а черное, потому что святые отцы выкапывают всякую мертвечину, рухлядь никуда не годную и заставляют нас ее заучивать как что-то путное; время самое годное для приобретения знаний почти на всю жизнь, время, которым мы должны бы дорожить, у нас пропадает на заучивание мертвечины, то есть классиков. Куда нам будут годны эти классики? Только ведь обманываем себя и других: никто еще никогда не делал старое новым, годным для употребления.

Сами-то наши наставники не знают классиков, несмотря на то, что иссушили тело свое и ум на них. Неужели Вам хочется лучше получить из меня такого же губителя молодых умов, как наши редиpty-наставники, чем честного и трудолюбивого заводского человека?

Право, я не знаю, что Вы ожидаете от меня, если оставляете в семинарии? Ведь она много ли мне дала пользы-то; от труда она всякого отучит, а чему хорошему научит? Если чего ожидать от нее, то это только физики в 4 классе и математики, а то ведь классики, психология, философия и прочая дребедень умного человека с ума сведет. Еще повторяю: пожалуйста, подумайте о том, нельзя ли мне поступить в реальное училище и оттуда в технологический институт, это нисколько не хуже семинарии.

Узнайте, что и в каких классах преподают в реальном училище и можно ли будет из него поступить в технологический институт или в другое какое-нибудь заведение высшее; если никуда нельзя, то я остаюсь в семинарии, если же нужно приготовиться только по новым языкам, то я могу приготовиться почти без учителя. Оставляю Вам решить мою будущность, — я верю тому, что Вы говорите, потому что более и лучше всего научит сама жизнь.

Ответ на это письмо напишите как можно скорее: от этого я могу много потерять.

Любезнейшие родители!

Ваше письмо и посылку — энциклопедию, посланные с Николаем Николаевичем Варушкиным, я получил сегодня, то есть 15 января. С Никоном Терентьевичем об энциклопедии не написал потому, что еще не знал хорошенько в то время, есть ли что-нибудь по химии в этой энциклопедии.

Во время классов от Н. Н. Варушкина я получил ее и тотчас же после классов снес переплетчику, за переплет обеих частей нужно отдать 60 к.; что касается до пользы, которую принесет эта книга мне, кажется, нельзя сомневаться в этом.

Архангельские переехали на другую квартиру, наискосок о. Андрея Будрина, квартира довольно порядочная, только комнаты не совсем хорошо расположены. Никон Терентьевич пока еще не нашел никакой службы, — везде, как и Колю, просят подождать. Ему не очень-то приятно сидеть без дела, а более еще неприятнее это Евгении Тимофеевне. Ваня приехал 2 числа вечером, письмо от него я получил, а также и деньги 6 р. серебром. Николай Тимофеевич служит помаленьку; Владимир Тимофеевич тоже, то есть служит, — он как будто тяготеет своими родными и ошибся в своих расчетах, — впрочем, это только я говорю так, и на деле, может быть, дело идет иначе. Ваня пока ничего не делает.

Марья Герасимовна не может удержаться от слез при воспоминаниях о Висиме. Вообще все Архангельские кланяются Вам.

О классицизме я говорить и писать устал, — едва ли будет время, когда я буду иначе совершенно думать о нем, чем теперь; конечно, я знаю, что время много изменяет человека, но чтобы изменить эти убеждения, я считаю почти невозможным. Самый последний результат моего мышления, если только он будет, тот, что и классицизм с самых лучших своих сторон, которых у него так немного, действовать может благотельно только тогда, когда его серьезно изучат, а к серьезному его изучению не хватит времени и даровитости несчастных педагогов; вершки же везде не заслуживают внимания и особенно эти вершки нетерпимы в знании классиков; не подумайте, что когда-нибудь придет время господства классиков, — это его усиление, может быть, есть последние, предсмертные агонии. Вообще — нет у меня слов о древности.

Слушанием лекций в классе во всяком случае нельзя пренебрегать: это одна из самых замечательных житейских хитростей-мудростей, а потому и я не пренебрегаю ничем, что можно приобрести в классе. На свою участь роптать я пока еще не намерен, иногда только кое-что прорвется: да ведь не железный же человек-то, имеет же на него какое-нибудь действие окружающая действительность!

Вы говорите, что мы слишком легко относимся к настоящему своему времени — времени приобретения всевозможных знаний, — на это скажу вот что: наши воспитатели, наши руководители гораздо легче смотрят на это, чем мы сами, они не только ничего не дадут, но еще и то, что мы без их помощи приобрели бы, расстроят; спросите у них, много ли они чего дали мне, а набор спряжений и склонений и слов без порядка, без толку не есть еще знание. Если я или мои товарищи что приобретут, то это — плод собственных забот, трудов и ума; а за свое собственное, которое добывается таким трудом, потом и кровью, ни я, ни они не обязаны благодарить других, да подобный поступок был бы положи-

тельно ни с чем несообразен; теперь, примерно, я учусь, но если бы я не стал заботиться сам о своей голове да слушал бы своих учителей, то не только знаний, а и здоровый-то рассудок совсем потерял.

В конце имею сообщить Вам неприятную новость: я уже раньше писал, что за октябрь по поведению у меня 3, но помощник, новенький, такой скотина, что за декабрь опять поставил 3, за то, дескать, что не все святки ходил в церковь; право, не знаю, где найти пример подобной дичи, бессовестности и подлости; ну, положим, если бы я один не ходил, а то половина класса, я стал говорить инспектору, что-де не я один не ходил, да и не объявлено было, мол, обязательно в церковь ходить или нет, притом, мол, в прежние годы никто не ходил, да ничего никому не делали, — на мое красноречие получился такой ответ, что это не оправдания и что начальство вольно все делать и его поступки не должны иметь никакого контроля.

Конечно, последняя новость неприятна для Вас, но тем более неприятна она для меня, но что делать, ошибся маленько, к тому же и ошибка-то поправимая.

Денег пошлите поскорее, рублей 10 или 12.

На святках были 3 литературных вечера, на 2 из них я читал.

Более новостей особенных нет.

Ваш *Дмитрий*.

71 г. Пермь. 15 января.

P. S. С новым годом, с новым счастьем!!

Любезнейшие родители!

Письмо Ваше от 9 февраля с 16 р. я получил 18 февраля. Прочитав письмо, я обрадовался, чему бы Вы думали? Вот чему: Вы, папа, пишете, что не желаете добиваться рекомендаций, добиваться перевода на другое место теми средствами, которые имеет обыкновение употреблять наше духовенство, что эти средства не по вашим убеждениям. Да, я этому обрадовался и радуюсь, потому что мне очень было бы неприятно видеть Вас наряду с теми, которые добиваются цели, не разбирая средств. Письмо Архангельским передал, передал и деньги. Мария Герасимовна благодарит и просит передать Вам поклон. Странное это семейство — Архангельские, особенно пол мужеский. Владимир Тимофеевич то гонит всех из дому, то не отпускает, то сорит деньгами, то дрожит над ними. Кажется, что гнать от себя родных ему нет никакого основания и выгоды, — никакие прислуги и денщики, даже никакая его будущая супруга, не будут в состоянии так ухаживать за ним, как они. Например, когда ждут его возвращения домой, то Ваню посылают за несколько времени вперед в прихожую, чтобы там он мог отворить дверь по первому звонку, не знаю, что ему лучшего ждать от людей чужих? Николай Тимофеевич относительно родных держится тоже довольно странной политики: жалованье пропивает или проигрывает, и это почти постоянно, живет на счет брата, часто ссорится с мамашей и вообще со всеми. За все и вся в ответе Мария Герасимовна и Зинаида, даже Ваня и тот на них, хотя и сам в настоящем положении своем не более как денщик у брата. Мария Герасимовна очень рада была бы отделиться, но сам Владимир только говорит, делать же этого не делает, да и едва ли когда-нибудь сделает; просто-напросто, должно полагать, купоросится, благо есть над кем.

Это письмо я начал писать с неделю назад, но почему-то все не мог кончить; это для меня редкость, потому что вообще письма я пишу сразу.

Теперь скажу кой-что о себе.

Странное наше положение, то есть то положение, когда нам приближается выход из семинарии. Трудное это время, должно быть, для всякого выходящего из нас, — это я отчасти могу судить по себе. И действительно, что и кто мы? Относительно мнения общественного, мы ни рыба ни мясо; хвалить-то хоть нас и хвалят иногда, но и только, кажется. Этим ограничиваются наши отношения по большей части с теми людьми, с которыми нам придется, может быть, впоследствии иметь дело, да и не может быть, а положительно придется. Общество знает только, должно полагать, что мы существуем на свете божьем, и только. Что же сами мы о себе думаем? Что касается до этого вопроса, то он для нас вопрос нерешенный и нерешимый, потому что решение его возможно только при сравнении с другими представителями средних учебных заведений, а с ними мы личных сношений не имеем, следовательно, остается догадываться по слухам, но это самого сомнительного свойства догадки, и мы оставались и остаемся в сомнении насчет своего значения в среде русского учащегося юношества и тем более общества; поживем — доживем и увидим. Но вот это-то и тяжело. Просто иногда чуть не сходишь с ума от неизвестности. Тяжело от сознания бесполезной траты своего прошедшего и отчасти настоящего; тяжело от сознания

своей глупости собственной; тяжело, наконец, глядя на других, как они идут да маются по той же дорожке, по которой и сам прошел. Да мало ли, папа, от чего тяжело бывает, не вам мне рассказывать, сами знаете!! Но все еще сносно, когда дело касается только одного умственного развития, — время не ушло — воротим, что нужно. А вот касательно физической стороны да нравственной, так хоть в петлю полезай иной раз. Деньги потерял — говорят — ничего не потерял; время — много потерял; энергию — все потерял. А откуда, спрашивается, нам набраться всего этого? Мало того, что нам не только не дано того, что от нас требует жизнь, жизнь разумная, честная — словом, жизнь, достойная названия человеческой, мы и то, что приобрели бы с этой целью, можем потерять при столкновении с той средой, в которой приходится нам жить. Конечно, достоинство человека, как человека, только и может развертываться в противных обстоятельствах, но ведь нужно же взять во внимание нашу молодость, нашу положительную неопытность, непрактичность, увлечения — мало ли чего наберется в том же роде, чтобы оценить правильно всю силу тяжести, которая на нас лежит, от которой одни гибнут, другие остаются уродами — в физическом, нравственном, умственном отношениях, и только очень даже слишком немногие выходят целыми и невредимыми из этой борьбы.

Ведь слишком мало того, чтобы быть исправным в классе всегда, переходить из класса в класс, даже хорошо кончить и быть принятым в другое заведение, — мало всего этого, я говорю, потому что это только формальная сторона дела. Не велика важность в том, примут или не примут меня в университет, — я могу поступить вольнослушателем; не беда в том, что у меня мало средств к существованию, — я могу существовать работой. Но предстоит теперь задача более трудная и серьезная для решения, но на которую, не знаю почему, всегда мало обращают внимания. Это — решить свою участь на всю жизнь, избрать специальность. Как мало и поверхностно думает об этом наш брат, это я могу судить по своим товарищам; но ведь подобное решение — решение слишком важное, оно может испортить всю жизнь. Ведь нужно слишком много ума и природной проницательности, чтобы взвесить свои силы, оценить их, угадать их назначение — одним словом, решить, куда и на что способен человек.

Одни при решении своей будущей карьеры главным образом обращают внимание на деньги, другие на общественное положение, третьи на примеры товарищей и знакомых и т. п. Но все это не так, как бы должно быть. Чтобы быть похожим на человека, нужно отыскать свое место, которое более всего способно удовлетворить мои наклонности, но как и где мне его найти? Этот вопрос для меня — неотступный вопрос; день и ночь, всякая свободная минута тратится на его решение, и тратится бесполезно, тратится мучительно, потому что вопрос все остается вопросом, вопросом еще более неотступным и навязчивым. Станешь себя разбирать со стороны физической — результат выходит неудовлетворительный; с умственной — тоже; с нравственной — и с той не лучше. Да на чем же, наконец, успокоиться? Где решение, ведь должно же оно быть? Ничуть не бывало, остаешься по-прежнему, с чем был. Не будь в нас, семинаристах, какой-то надежды на будущее, какой-то безотчетной почти смелости, просто пропадай ты в этом случае, как курица.

Не все еще мы потеряли, много еще у нас осталось — это энергия.

Больше писать о себе нечего, — все обстоит благополучно.

Брюки, если не будет случая получить их из Висима, сошью здесь. Недавно купил французский словарь Рейфа, который стоит 2,5 р. В Екатеринбурге за антирелигиозные мысли исключили из 6 класса гимназии 7 человек без права поступления в другие учебные заведения, — подобные глупости только и возможны у нас, глупо и досадно. За месяц февраль у меня вышло недоимок 3 р. серебром, которые издержаны на словарь, потому прошу у вас денег на март за квартиру и на погашение долга — 3 р. серебром. Вчера был большой пожар. Кланяйтесь знакомым; Коле скажите, что я ему больше писать не буду, так как он сам мне еще ничего не написал.

Марье Бобровской большой поклон. Видел Мишу Гаряева, который исключается из духовного звания и едет служить в Тагил.

Вышли новые постановления обер-прокурора относительно семинарий, — ничего, нам на руку, потому что все больше за нас, а не против.

Остаюсь здоров

Ваш *Дмитрий*.

29 февраля 72 г. г. Пермь.

P. S. Вы не думайте, чтобы мы возлагали свои надежды на что-нибудь другое, кроме себя самих; и потому не думайте, что мы ничего не делаем или делаем мало, — нет, будьте уверены, что нет: все, что зависит от меня, все, что в силах сделать для поступления в университет, постараюсь сделать, делаю и буду делать. Наша сила — труд; наш капитал — энергия. Еще одно слово: погодите торопиться переезжать из Висима, авось как-нибудь делишки обделаем, а то, пожалуй, как раз из кулька в рогожку можно перевернуться; ведь есть места хуже Висима, да и в хороших-то местах, может быть, жизнь хуже, чем в нем: большой приход, квартира, прихожане, служба и т. п.

Ваши письма, папа, от 14 июля и 2 августа я получил, наконец, — говорю: наконец, потому что не получал от Вас писем почти целый месяц.

Начну с того, что волею судеб я остался на ветеринарном отделении, так как по недавно вышедшим правилам более трех лет на первых двух курсах оставаться нельзя, хотя эти правила не существовали еще в прошлом году. Итак, мне даже не привелось сдавать поверочного экзамена по одному латинскому языку... Но вся эта история мне надоела донельзя, а потому и говорить о ней я больше не намерен, а скажу несколько слов о том, что я буду делать с своей головой.

Через два года я кончу ветеринарию, буду иметь за плечами верное ремесло, а в руках диплом кончившего курс в высшем учебном заведении. Ремесло даст мне верный кусок хлеба, диплом откроет возможность делать карьеру. Относительно последней я думаю так: на ветеринарном отделении я кончу, но ветеринаром не буду, а буду продолжать далее свое образование, смотря по обстоятельствам, где приведется. Весь вопрос в конце концов сводится на материальное обеспечение, которое откроет двери везде. Поступать в настоящую минуту на медицинское отделение для меня было по меньшей мере великой глупостью, потому что связываться с стипендией я не хочу, а служить двум господам нельзя: то есть кормить свою голову и учиться. Что касается казенных хлебов, — почему я их избегаю, то достаточно указать на Владимира Тимофеевича и тому подобных горемык, испортивших свою жизнь благодаря этим казенным хлебам, потому что не успели они высунуть нос из академии, встать на ноги да попериться, а их и прихлопнули, да так, что в другой раз и не подняться.

Говорить вперед, сулить горы золота мне не хочется, а скажу о том, что есть, чтобы Вы могли хотя отчасти судить о некоторых возможностях, существующих вне всяких специальностей и выпадающих, по-видимому, только на долю особенных счастливых, которым судьба всю жизнь покровительствует.

Как вам известно, я не принадлежу к разряду счастливых, потому что небо моего счастья часто заволакивается густыми тучами; но, с другой стороны, я и не несчастный человек, потому что мне многое удается такое, что и счастливым в добрый час. Значит, особенно бога гневить и не за что, я и не гневлю, а благодарю, хотя и не за все... Словом, нет худа без добра, а добра без худа, говорит пословица, и говорит как раз про меня, не в бровь, а прямо в глаз.

Мои несчастья Вы знаете, папа, и потому распространяться о них нечего, но о моем счастье скажу несколько слов. Начну с того, что хотя плохо, но все-таки я стою на своих ногах, а это для меня первое и самое главное пока. Далее, кроме стоянья на своих ногах, под чем я разумею существование трудами рук своих, я имел случай вкусить кой-каких других благ, но о последнем пока нужно помолчать, до поры, до времени разбалтываться нехорошо.

Итак, отбросив в сторону некоторые неприятности и рассудив, что оные неприятности ни на вершок не убавят меня, я, положила руку на сердце, благодарю свою судьбу за очень многое...

Из всего сказанного Вы, может быть, и не вынесете того, что я сам желал бы, но, тем не менее, надеюсь, что через некоторое время самим делом буду иметь

случай доказать свои слова.

Теперь поговоримте, папа, о Ваших делах.

Карьера Володи пока определилась в хорошую сторону, остается позаботиться хорошенько о Лизе. С своей стороны, принимая во внимание Ваши соображения относительно Казани и Екатеринбурга, я для Лизы стою за Екатеринбург, потому что ученье одно и то же, а Екатеринбург под руками. Что касается средств, то, вероятно, об этом придется позаботиться Лизину крестному, который хотя и делает большие промахи в своих расчетах и планах будущего, но не всегда. Теперь же, до осуществления моих ожиданий и планов, для Лизы должны на первом плане стоять живые языки, которые ей всегда пригодятся и везде.

Ваши сожаления, папа, о том, что приходится так долго служить в гиблом Висимишке, имеют свое основание и свою слабую сторону, то и другое Вы знаете, а потому и говорить об этом много не приходится. Скажу только, что не только жизнь более или менее бойких пунктов, но даже и самых столиц держится на таких основаниях, о которых остается пожалеть от всей души и попросить господа бога, чтобы он не посылал их никогда на Висим.

Издали, конечно, интересно смотреть, как шумит и хлопочет вечно суеятящаяся разношерстная толпа наших городов, но вмешиваться в эту толпу не стоит, потому что единственный двигатель здесь деньги, деньги и деньги, и непреходящее сероватое лоно родной провинции покажется в десять раз лучше. Конечно, все это говорится про незлобивых сердцем и чистых, как голуби; повесть о волках, приходящих в мир в овечьей шкуре, повесть о хитрых, как змеи, наводняющих нашу землю, совсем в другом тоне: они — жители теперешних городов, сделавшихся каждый в своем роде Вавилоном в той или другой степени. Итак, папа, не жалейте, что живете в Висиме: меньше грехов, а Володя и Лиза, если захотят, в свое время будут и в Питере и дальше, лишь стало бы охоты.

Таков мой личный взгляд, хотя сам я пока и не желал бы закупориться в провинции, потому что мне еще нужно потолкаться между людьми да поучиться уму-разуму...

Передайте мои поклоны моим знакомым. Передайте Косте, чтобы он написал мне длинное письмо, время теперь у него есть свободное.

Билеты Ваши застрахую и вышлю квитанцию, также и книги Лизе.

Погода все лето стояла у нас хорошая, хотя особенно сильных жаров и не было. В город думаем перебраться с дачи в первых числах сентября. Будете мне писать, не забудьте переслать поклон моей хозяйке, Настасье Ивановне, которой я много обязан.

Остаюсь здоров

Ваш *Дмитрий*.

Парголово.

Теперь поговоримте, папа, о делах.

Живя так долго в Висиме, Вы, папа, отлично знакомы с настоящим края и его прошедшим. Мне для некоторых целей крайне необходимо знание этого настоящего и прошлого, хотя и я кой-что знаю о них. Я был бы очень обязан Вам, папа, если бы Вы взяли на себя труд сделать три вещи: *кой-что припомнить, кой-что порасспросить и кой-что прочитать*.

Припомнить Вы можете вот что: чрез ваши руки проходили и проходят интереснейшие факты из раскольниковей жизни: жизнь в скитах, сводные браки,

взгляды на семейную и общественную жизнь со стороны раскольников, их предания, суеверия, приметы, заговоры, стихи, правила и т. п. Все это мне крайне интересно знать, и Вы бы, папа, хорошо сделали так: подобрали бы к стороне те документы, которые перешли к Вам из раскольниковых рук, и занесли некоторые факты на бумагу, которые Вам известны. Я говорю о фактах и цифрах, которые обрисовывали бы как прошлое, так и настоящее раскольников на Урале. Для этой же цели Вы, папа, могли бы достать много интересных выдержек из заводского архива.

Далее, еще более интересно следующее: это собрать те сведения о доме Демидовых, которые лежат в конторских бумагах или ходят по рукам в виде рассказов и воспоминаний. Особенно важно здесь постоянно иметь в виду резкую разницу, отделяющую энергичных, деятельных представителей первых основателей дома Демидовых и распущенность последних его членов. Здесь интересны два ряда фактов, характеризующих, с одной стороны, энергию первых Демидовых и распущенность и самодурство последних. У Вас, папа, есть книжка о доме Демидовых, хорошо было бы, если Вы на полях ставили цифры и делали к известным лицам собранные примечания. Так я, например, помню, что жил один Демидов на одном острове Черноисточинского пруда, далее, как он неумоимо основывал один завод за другим, разыскивал руды и проч. Далее, интересно, например, знать подробности таких фактов, как приезды Авроры Карловны на заводы: безумное мотовство и проч.

Кстати, Вы не пройдете мимо интересных фактов, характеризующих жизнь фабричных, рудниковых, беглых, знаменитых разбойников.

Словом, всякий факт, резко выдающийся из ряда других, как характеризующий прошлое и настоящее Урала в низших и высших слоях его населения, будет мне крайне интересен.

Рассказу о Ермаке, Пугачеве, Малороссии и проч. — все это крайне интересно знать. *Также факты встречи малороссов с раскольниками на Урале и первые шаги их взаимной жизни.*

Все это мне крайне интересно и *необходимо знать*, особенно же о Демидовых, о которых Вы, папа, можете собрать много сведений от старых служащих.